

ШАЛЯПИНЪ

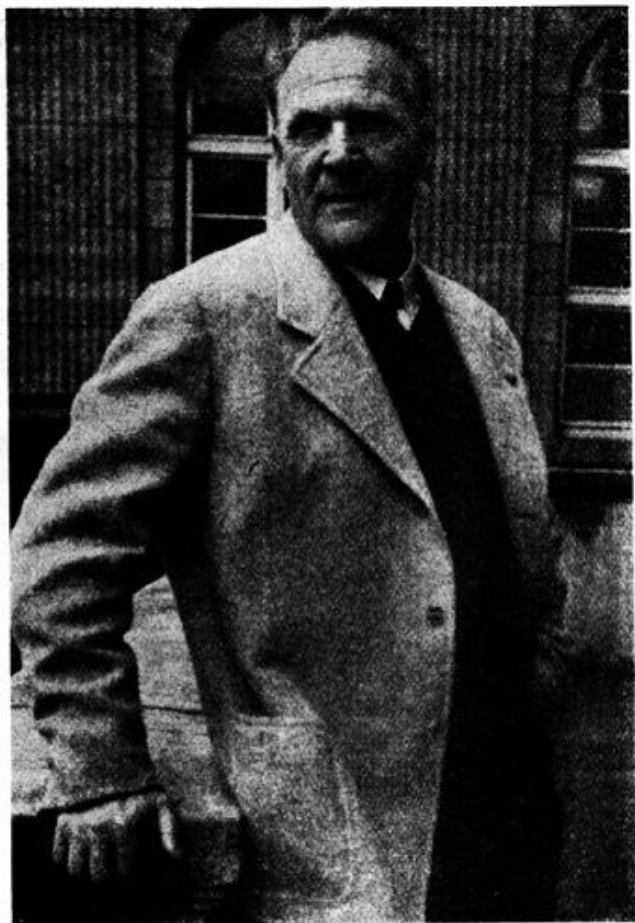
ПОРТРЕТЪ РАБ. ХУД. Б. КУСТОДИЕВА.
Собственность М. В. Шаляпикой.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

№ 19 (677) 30 - IV - 1938

Цена отд. ном. фр. 4
Prix du numéro frs 4

О ШАЛЯПИНЪ

Одинъ изъ послѣднихъ
портретовъ
Ф. И. Шалѣпина.

Шалѣпинъ, Чеховъ и «верблуды».

Въ Москвѣ когда-то говорили, что Шалѣпинъ дружитъ съ писателями въ инку Собиннову, который соперничалъ съ нимъ голосомъ: говорили, что тяга Шалѣпина къ писателямъ объясняется вовсе не его любовью къ литературѣ, а желаніемъ слыть не только знаменитымъ пѣвцомъ, но и «передовымъ человѣкомъ», идейнымъ, общественнымъ, — пусть моль сходитъ съ ума отъ Собиннова та публика, которая во все времена и всюду сходитъ и будетъ сходить съ ума отъ теноровъ. Думаю, что Шалѣпина тянуло къ намъ вполне безкорыстно. Помню, напримѣръ, какъ горячо хотѣлъ онъ познакомиться съ Чеховымъ, сколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Я наконецъ спросилъ:

— Да за чѣмъ же дѣло стало?

— За за тѣмъ, — отвѣчалъ онъ, — что Чеховъ нигдѣ не показывается, что все нѣтъ случая представиться ему.

— Помилуй, какой для этого нуженъ случай! Возьми извозчика и поѣзжай.

— Но я вовсе не желаю показаться ему нахаломъ! А кромѣ того, я знаю, что я такъ оробѣю передъ нимъ, что покажусь еще и совершеннымъ дуракомъ.

— Ну, полно, это ты сейчасъ дурака валяешь.

— Богъ свидѣтель, несколько не валяю. Вотъ еслибъ ты свезъ меня какъ нибудь къ нему...

Я не замедлилъ сдѣлать это и убѣдился, что все было правда: войдя къ Чехову, онъ покраснѣлъ до ушей, сталъ что-то бормотать... А вынелъ отъ него въ полномъ восторгѣ:

— Ты не повѣришь, какъ я счастливъ, что наконецъ узналъ его, и какъ очарованъ имъ! Вотъ это человѣкъ! Теперь на всѣхъ прочихъ буду смотрѣть какъ на верблудовъ.

— Спасибо, — сказалъ я, смѣясь. Онъ захохоталъ на всю улицу.

Всѣ права сохранены.
Copyright by Ivan Bunin.

Есть знаменитая фотографическая картинка, — знаменитая потому, что она, въ видѣ открытки, разошлась въ свое время въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ, — та, на которой сняты Андреевъ, Горькій, Шалѣпинъ, Скиталецъ, Чириковъ, Телешовъ и я. Мы сошлись однажды на завтракъ въ московскомъ нѣмецкомъ ресторанѣ «Алѣйская роза», завтракали долго и весело и вдругъ рѣшили ѣхать сниматься. Тутъ мы со Скитальцемъ сперва немножко поругались. Я сказалъ:

— Опять сниматься! Все снимаеся! Силовина собачья свадьба.

Скиталецъ обидѣлся:

— Почему же это свадьба, да еще собачья? — отвѣтилъ онъ своимъ грубо-наганнымъ басомъ. — Я, напримѣръ, собакой себя никакъ не считаю, не знаю, какъ другіе.

— А какъ же это назвать иначе? — сказалъ я ему. — Пусть у насъ силовина нпръ, праздникъ. Но вашимъ же собственнымъ словамъ, «народъ пухнетъ съ голоду», Россія гибнетъ, въ ней «всякія напасти, внизу власть тьмы, а наверху тьма власти, надъ ней, «гордо рѣшетъ буревѣстникъ, черной молніи подобный», а что въ Москвѣ, Петербургѣ? День и ночь праздникъ, всероссійское событіе за событіемъ: новый сборникъ «Знанія», новая пьеса Гамсуна, премьера въ Художественномъ театрѣ, премьера въ Большомъ театрѣ, курсистки падаютъ въ обморокъ при видѣ Станиславскаго и Качалова и

всѣхъ вашихъ милостей, лихачи мчатся къ Яру и въ Стрѣльну...

Нѣкто прозвалъ себя въ мірѣ
скитальцемъ

И по трактирамъ скитался
дѣйствительно...

Дѣло грѣшило перейти въ крупную ссору, но тутъ поднялся общій смѣхъ. Шалѣпинъ закричалъ:

— Браво, правильно! А все таки айда, братцы, утѣшнѣвать собачью свадьбу! Снимаемся мы, правда, частенько, да надо же что нибудь потомству оставить послѣ себя. А то нѣтъ, нѣтъ человѣкъ, а померь и крышка ему.

Да, — подхватилъ Горькій, — писать, писать — и скотѣлъ.

— Какъ напримѣръ я, — сумрачно сказалъ Андреевъ. — Океанъ въ первую голову.

Онъ это постоянно говорилъ, все жаловался на сердце, на ужасныя головныя боли. И пророчество его, увы, оправдалось.

Всѣ считали Шалѣпина очень лѣвымъ, даже революционеромъ, ревѣли отъ восторга, когда онъ пѣлъ «Марсельезу» въ концѣ «Двухъ Гренадеровъ» или «Блоху», въ которой тоже усматривали нѣчто революционное, сатанинское издѣвательское надъ королями:

Жилъ былъ король когда-то,
При немъ блоха жила...

УЖИНЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ХУДОЖЕСТВЕННО - АРТИСТИЧЕСКОМЪ КРУЖКЪ.

Справа сидятъ: — И. Е. Рѣпинъ, М. Н. Муромцева, художн. Мясоедовъ и Ю. А. Бунинъ; стоитъ — С. С. Мамонтовъ (сынъ С. И. Мамонтова): слева — И. А. Бунинъ, Ф. И. Шаляпинъ, худ. И. К. Крайторъ, А. Р. Ледницкій и К. А. Коровицъ.

И вотъ, что-же вдругъ случилось? Сатана сталъ на колѣни передъ королемъ, — по всей Россіи прокатился умопомрачительный слухъ: Шаляпинъ сталъ на колѣни передъ царемъ! Толкамъ объ этомъ, возмущенію Шаляпиннымъ не было конца-краю; Амфитеатровъ былъ такъ возмущенъ, что возвратилъ Шаляпину его фотографическую карточку съ дружеской надписью. И сколько разъ потомъ оправдывался бѣдный Шаляпинъ въ этомъ своемъ прегрѣшеніи! А какое-же было прегрѣшеніе?

— Какъ же мнѣ было не стать на колѣни? — говорилъ онъ. — Былъ бенефисъ императорскаго опернаго хора, вотъ хоръ и рѣшилъ обратиться на высочайшее имя съ просьбой о прибавкѣ жалованья, которое было просто нищенскимъ. воспользоваться присутствіемъ царя на спектаклѣ и стать передъ нимъ на колѣни. И обратился и сталъ. И что-же мнѣ, тоже пѣвшему среди хора, было дѣлать? И никакъ не ожидалъ атого колѣнопреклоненія, какъ вдругъ вижу: весь хоръ точно косою скосило на сценѣ, — весь онъ оказался на колѣняхъ, протягивая руки къ царской ложѣ! Что же мнѣ было дѣлать? Одному торчать надъ всемъ хоромъ телеграфнымъ столбомъ? Вѣдь это же былъ — бѣ форменный скандалъ!

Въ Россіи я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ началѣ апрѣля 1917 года, въ дни, когда уже прѣбывать въ Петербургъ. Ленинъ, встрѣченный оркестромъ музыки на Финляндскомъ вокзалѣ, когда онъ тотчасъ же выдѣлился въ особнякъ Кшесинской. Я въ эти дни тоже былъ въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ Шаляпиннымъ получилъ при-

глашеніе отъ Горькаго присутствовать на торжественномъ собраніи въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Горькій долженъ былъ держать рѣчь по поводу учрежденія имъ какой-то «Академіи свободныхъ наукъ». Не понимаю почему, мы съ Шаляпиннымъ явились на это во всѣхъ смыслахъ негѣпное собраніе. Горькій держалъ свою рѣчь весьма долго и высокопарно и затѣмъ объявлялъ:

— Товарищи, среди насъ Шаляпинъ и Бунинъ! Предлагаю ихъ привѣтствовать!

Залъ сталъ бѣшено аплодировать, стучать ногами и вызывать насъ. Мы скрылись за кулисы, какъ вдругъ кто-то приобѣжалъ вслѣдъ за нами, говоря, что залъ требуетъ, чтобы Шаляпинъ пѣлъ. Вышло такъ, что Шаляпину опять надо было «становиться на колѣни». Но онъ рѣшительно сказалъ приобѣжавшему:

— Я не трубочистъ и не пожарный, чтобы дѣлать на крышу по первому требованію. Такъ и объявите въ залѣ.

Приобѣжавшій скрылся, а Шаляпинъ сказалъ мнѣ, разводя руками:

— Вотъ, братъ, какое дѣло: и пѣть нельзя и не пѣть нельзя. — вѣдь въ свое время всемяты, на фонарѣ повѣсятъ черти. А все таки пѣть я не стану.

И такъ и не сталъ, несмотря на ревъ изъ зала.

А въ прошломъ году, въ іюнкѣ, я слышалъ его въ послѣдній разъ въ Парижѣ. Онъ давалъ концерты, пѣлъ то одинъ, то съ хоромъ Афонскаго. Думаю, что уже и тогда онъ былъ тяжело боленъ. Волновался онъ, по крайней мѣрѣ, необыкновенно. Онъ всегда волновался, при всѣхъ своихъ выступленіяхъ, — это дѣло обыч-

ное: я видѣлъ, какъ вся тряслась и крестилась передъ выходомъ на сцену Ермолова, видѣлъ за кулисами послѣ сыгранной роли Ленскаго и даже самого Росси, — войдя въ свою уборную, они падали просто замертво, были блѣдны какъ смерть. То же самое бывало, думаю, и съ Шаляпиннымъ, только прежде публика этого никогда не видѣла. Но на этомъ, послѣднемъ концертѣ она видѣла, и Шаляпина сначала только его великій талантъ жестовъ, интонацій. Изъ за кулисъ онъ прислалъ мнѣ записку, чтобы я зашелъ къ нему. Я пошелъ. Онъ стоялъ какъ въ туманѣ, держа напиросу въ дрожащей рукѣ, тотчасъ спросилъ меня:

— Ну, что, какъ я пѣлъ?

— Конечно, превосходно, дорогой мой, — отвѣтилъ я.

И пошутили:

— Такъ хорошо, что я все время подпѣвалъ тебѣ и очень возмущалъ этимъ публику.

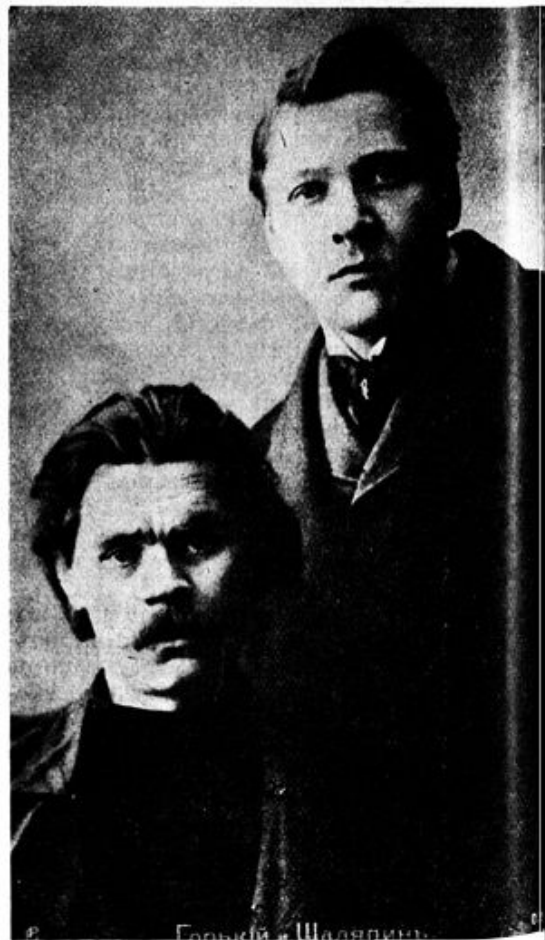
— Спасибо, пожалуйста подной, — отвѣтилъ онъ со смутной улыбкой. — Мнѣ, братъ, нездоровится, уѣзжаю въ Австрію, въ горы. А ты?

Я опять пошутилъ:

— Да мнѣ что-жъ уѣзжать, я почти всю зиму провелъ въ горахъ: то Монмартръ, то Монпарнасъ.

Онъ разсѣянно и ласково улыбнулся.

Ив. Бунинъ.

Съ открытки 900-хъ годовъ.